

ТЕМА НОМЕРА

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3

EDN: PQWMDB

Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего)¹

Ссылка для цитирования: Капицын В. М. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3; EDN: PQWMDB

For citation: Kapitsyn V. M. Stigmatisation as a threat to national identity (lessons for the present from the past). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3; EDN: PQWMDB

Капицын Владимир Михайлович^{1,2}

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

²ИНИОН РАН, Москва, Россия

kapizin@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 337209

Аннотация. Автор исследует дискурсы стигматизации, используя опыт советской «перестройки», советские, российские и зарубежные материалы, документы КПСС, советских органов, общественных организаций и движений, воспоминания очевидцев, свидетельства СМИ, личные воспоминания. Раскрываются содержание и механизмы стигматизации как процесса и средства борьбы против СССР и России, выделяются внешние и внутренние составляющие процесса стигматизации. В качестве результата стигматизации рассмотрено состояние массового сознания в обществе и взглядов элит, противопоставляемое национальной идентичности народа и государства. Новизна исследования заключается в рассмотрении механизма стигматизации, включающего образование негативных контр-идентичностей и состояния массового сознания, названного «самостигматизацией». Контр-идентичности могут сопровождать социальную дифференциацию общества, формирование различных социальных (профессиональных, этнических, территориальных) различий. Но в процессе стигматизации государственной власти они приобретают негативный характер и могут превращаться в разрушительную силу, направленную против национально-государственной идентичности. Такая сила, как показывают документы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100029-3 «Государственная политика формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ».

и другие свидетельства, достигается на «крайней» стадии стигматизации, когда происходит «резонанс» её внешней и внутренней составляющих, и массовое сознание общества, взгляды элит переходят в состояние «самостигматизации». В результате перевес получает дискурс отторжения ценностей общества, его исторического нарратива (завоеваний народа, героев войны и труда), достижений настоящего, а на первый план массового сознания выходят исторические травмы, обиды, злоупотребления, ошибки государственной власти. Так обесценивается исторический опыт поколений общества; для миллионов людей теряется смысл понятий «служение», «героизм», «присяга», «долг», «гражданство», а вместе с этим разрывается национально-государственная идентичность, приоритет приобретает конгломерат негативных контр-идентичностей, соединённых временной идейной платформой, оправдывающей победу дискурса «новых» ценностей. В статье рассмотрены подходы к социально- и политико-психологическому исследованию «крайней» стадии стигматизации: лингвистические термины-маркеры «самостигматизации», принижение роли патриотизма, ориентация стигмы на определённые духовные и материальные объекты (памятники истории и культуры, отечественные предприятия-флагманы, память о подвигах героев, трудовые достижения). Состояние «самостигматизации» обеспечивает «разрывы» национально-государственной идентичности и может предопределить победу сил, поворачивающих политический курс в «новое» русло, которое в той или иной степени удовлетворяет «стигматизаторов». В заключении рассмотрены задачи стигматизации как средства «гибридной войны» на современном «витке» противостояния России с НАТО.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, стигматизация, самостигматизация, негативные контр-идентичности, термины-маркеры, объекты стигматизации, патриотизм, «гибридная война»

Введение

Уже более 30 лет многие обществоведы рефлексировать с приближением даты 30 декабря, связанной с распадом супердержавы СССР. С высоты XXI в. многие события «перестройки» оцениваются по-другому, но и современные процессы можно продуктивнее анализировать, если осмысливать их через сравнение с советской «перестройкой».

В конце 1980-х гг., когда уже набрал ход Хельсинкский процесс, мало кто мог подумать, что с «перестройкой» политического режима в СССР последний распадётся. Тем более трудно было предсказать, что через 25–30 лет россияне станут объектом жесткой стигматизации, а на Украине и в республиках Балтии возродится нацизм. После Второй мировой войны были примеры стигматизирующего дискурса, сопровождающего блокаду Кубы, войны в Корее, Вьетнаме, Анголе, на Ближнем Востоке. С распадом СССР частота и жёсткость стигматизирующих кампаний возросла: Ирак, Югославия (затем Сербия), Афганистан, Иран, КНДР, снова Ирак, потом Сирия, Ливия, Венесуэла, Китай. С 2014 г. на Украине шла открытая «этническая» стигматизация Донбасса и России. В 2020 г. жёсткой стигматизации подверглась Белоруссия. В 2022 г. беспрецедентная стигматизация России и русского мира развернулась на Украине, в Европе, в англосаксонских странах.

Что такое стигматизация? В психологии и социологии сложились направления, идущие от Г. Спенсера, затем с 1938 г. – от Ф. Танненбаума («драматизация зла»). Э. Лемерт в 1951 г. связал стигматизацию с социальной девиацией (отклонением от норм) [33]; похожий подход у Э. Гофмана (управление «испорченной идентичностью») [16, с. 7]. Стигматизация предстала как отрицательно заряженное нефизическое воздействие, символическое насилие [31]. Развивая данный подход, исследователи видят в стигматизации наклеивание ярлыков на людей или группы, не соответствующих общепринятым нормам. Исходя из этого, общество вырабатывает по отношению к ним определённую (стигматизирующую) линию поведения, которая может доходить до исключения из социальных структур [2, с. 23].

Важным является положение о «родовой стигме (расы, национальности и религии), которая может передаваться по наследству» [31, р. 8]. Э. Гофман допускал, что религиозные, этнические, другие культурные различия могут служить основанием стигматизации политических сил и социальных групп [17, с. 75]. Например, как политико-психологическое и культурное неприятие руководства и граждан отдельных государств, представителей определённых народов, конфессий, как в свое время лютеран и кальвинистов. Или русских (православных) в Австро-Венгрии, где в 1914 г. создавались даже концлагеря, в которые вместе с военнопленными помещали русскоязычных и православных жителей Галичины и где творился жуткий произвол. Факты геноцида были обнародованы в «Талергофском альманахе»¹.

Цель статьи – показать социально-психологическую и политико-психологическую онтологию стигматизации, её способность выступать в качестве средства политики, фрагментирующего национально-государственную идентичность. Ставятся задачи, наряду с выяснением методов и приёмов исследования, выявить механизмы, усиливающие негативное восприятие отдельных обществ в глазах элит и граждан своих и других государств. Возникает также вопрос, что же дает Западу стигматизация России, по своему накалу близкая к религиозной вражде?

В данном случае мы рассмотрим стигматизацию в основном в социально-психологическом плане, как средство, помогающее разрушать национальную идентичность. Хотя уже образовалась база научных исследований этого явления, в социологии, социальной и политической психологии такое её разрушительное воздействие изучается недостаточно. Тем не менее ценный материал можно дополнительно черпать, исследуя события и факты периода «перестройки» в СССР. В работе использовались опубликованные документы, базы которых пополнялись и систематизировались [см., напр., 24; 25], мемуары, массивы материалов СМИ (статьи, интервью, расследования, ток-шоу), воспоминания очевидцев событий, собственные воспоминания и архивы.

¹ Крохмаль А. Забытая история зла. Австро-венгры и их кровавый геноцид русинов в Первую Мировую // Аргументы недели [сайт]. 27.05.2001. URL: <https://argumenti.ru/history/2021/05/723738> (дата обращения: 07.10.2022).

Внешняя и внутренняя стигматизация

В процессе стигматизации выделим внешнюю составляющую, то есть направляемую из-за рубежа, и внутреннюю (со стороны деструктивной оппозиции). Назначение внешней стигматизации – добиваться роста в мире и в конкретной стране-мишени числа людей, верящих в реальность создаваемых негативных образов. Чем настойчивее Россия защищала свой суверенитет, тем явственнее проявлялась такая стигматизация. С 2014 г. процесс внешней антироссийской стигматизации пошёл уже «с отключёнными тормозами». Яркий пример: президент США Б. Обама в 2014 г. на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН поставил Россию в ряд с такими глобальными угрозами, как вспышка лихорадки Эболы и терроризм: «...Вспышка Эболы поражает системы здравоохранения в Западной Африке и угрожает быстро распространиться за её пределы. Агрессия России в Европе напоминает о днях, когда большие нации угрожали малым, преследуя собственные территориальные амбиции. Жестокость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас смотреть в сердце тьмы»¹. Р. Готтемюллер в бытность заместителем генерального секретаря НАТО в докладе на пленарной сессии Парламентской ассамблеи НАТО 29 мая 2017 г. сравнила воссоединение России и Крыма с захватом Мосула боевиками так называемого ИГИЛ² (организации, запрещённой в России).

Более сложную природу имеет внутренняя стигматизация. Она проявляется и в сознательно направляемых действиях, и в стихийных процессах, настраивающих граждан на осуждение своей государственной власти и тех соотечественников, кто эту власть поддерживает. Наиболее опасен «резонанс» воздействий внешней и внутренней стигматизации. Е. Т. Гайдар, применительно к событиям в России 1917 г. даже использовал термин «сверхрезонанс» [6, с. 28]. Он способствует реформатированию массового сознания и представлений элит, в том числе благодаря заимствованию из-за рубежа культурных образцов и моделей политического поведения³. Всё это может вести к радикальному реформированию власти и государственным переворотам. Вот почему актуален вопрос о стигматизации профессиональных групп, по долгу службы поддерживающих конституционный и общественный порядок: полиции [9], государственных служащих, военных, сотрудников госбезопасности, а также членов их семей [12]. С. В. Батайкина отмечает:

¹ Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ // РИА новости [сайт]. 24.09.2014. URL: <https://ria.ru/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 05.05.2022).

² Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session, 2017, May 29. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm (дата обращения: 16.03.2022).

³ Значительным спросом в Советской Прибалтике в конце 1980-х и начале 1990-х гг. пользовались рукописи Дж. Шарпа о сопротивлении властям, которые, как он признавался в интервью, передал на московской конференции представителям прибалтийских республик [26, с. 36].

«... Негативные стереотипы, утвердившиеся в общественном мнении, способствуют стигматизации всей профессиональной группы, члены которой трудятся в сфере государственного управления» [3, с. 4].

Такая стигматизация «государевых людей» особенно ярко проявилась в СССР и ГДР, а через годы отозвалась в России на Болотной площади (2011)¹, в мятежах в Белоруссии (2020) и Казахстане (2022). Всё это отражало искажение смысла категорий «присяга», «профессиональный долг», «служение», «государственная безопасность», «гражданство», «Родина». Несмотря на различия, везде проявлялось распространение негативных контр-идентичностей, питающих стигматизацию данных групп, маргинализацию защитников правопорядка, что усиливало фрагментацию общей национально-государственной идентичности.

Включаясь в идейную «оснастку» элит и движений (в том числе сепаратистских образований), негативные контр-идентичности облекаются в романтично-утопическую «упаковку» борьбы с авторитарным режимом за права человека, приводя к делегитимации политического режима. В конечном счёте, может быть достигнуто, как в СССР (1989–1991), ГДР (1989–1990), Сербии и Черногории (2000), «резонансное» состояние стигматизации отечественной власти и даже собственной цивилизации. Такое состояние (крайняя стадия) стигматизации, ведущее к саморазрушению государства, можно назвать «самостигматизацией».

Метаморфозы стигмы и господство контр-идентичностей

Эта «крайняя» стадия стигматизации означает приход состояния массового сознания, похожего на «сумрачную» близорукость касаясь оценки прошлого и настоящего своей страны. Сопровождается это романтично-утопической восторженностью в оценке лозунгов перемен, агентами которых выступают демократические НКО, ориентирующие людей на западные ценности и «блага». При этом национально-государственная идентичность такого государства «подрывается» контр-идентичностями, формируемыми деконструктивными группами, способствующими оправданию беспорядков и смены власти ради изменения политического курса в сторону «быстрых» демократических перемен.

Термин «самостигматизация» широко употребляется в клинической психологии, но редко в социальной психологии и социологии, причем обычно относительно индивидов [4]. Но он применим для характеристики поведения социальных групп и народов [23]. Подобные состояния сообществ Т. Парсонс рассматривал через призму девиации (отклонения от ценностных ориентаций), сопровождаемой доминантой интерпретации, которая получает распространение сначала латентно, а затем и открыто. Парсонс пишет: «...Желание освободиться навсегда от всякого принуждения и идеализация подобного состояния оборачивается такими

¹ Рыжков В. Болотная была потрясением для всех // Новая газета [сайт]. № 141. 13.12.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/issues/3206> (дата обращения: 23.09.2022).

концепциями, как «свобода, защищаемая законом». И «такие символы как свобода и справедливость, могут получить интерпретацию, несовместимую с функциональными потребностями институционализируемого порядка». Далее он отмечает силу и живучесть такой интерпретации: «Но строго говоря, в понятиях, одобряемых культурной традицией, невозможно прямо заклеить такие интерпретации как нелегитимные. Умение извлекать пользу из подобных возможностей латентной легитимации является одной из важных характеристик девиантных движений» [21, с. 414–415].

Подобная интерпретация, внедряемая в представления элит и массовое сознание, благодаря романтично-утопической «упаковке», способствует популярной легитимации ценностных отклонений, усиливает негативные контр-идентичности с их настроением на отчуждение от власти. А это позволяет расширять и усиливать стигматизацию государства, разрушать общую национальную идентичность и переводить общество в состояние самостигматизации. Негативные контр-идентичности обеспечивают доминирование такого механизма, нередко усиливаемого с помощью технологий фейк-ньюс и «цветных революций».

Групповые контр-идентичности образуются в связи с дифференциацией отношения граждан к различным инструментальным и терминальным ценностям народа, общественным благам и (в том или ином состоянии) присутствуют в обществе [14]. В разных странах есть особенности национального характера, способствующие возникновению групповых контр-идентичностей и их переходу в состояние разрушительной силы. У французов, по мнению В. Ж. д'Эстена, есть склонность к политике «*tabula rasa*» («выскабливать доску», «разрушать, потом реформировать») [10, с. 30–33]. Нечто подобное, по всей видимости, свойственно и российскому национальному характеру: «вечный пугачевский дух в народе» (Е. Т. Гайдар), «очередная пугачевщина» (А. С. Панарин). В XIX в. зародился российский анархизм, в XX в. подданные Российской империи в феврале 1917 г., а граждане СССР в 1989–1991 г. рушили фундамент своего государства. На основе подобных склонностей народного характера могут довольно быстро активизироваться негативные контр-идентичности, но для этого нужны дополнительные воздействия на массовое сознание и взгляды элит.

Контр-идентичности могут играть и позитивную роль в подготовке политико-психологических изменений, как в начальный этап советской «перестройки», но нередко перерастают в разрушительные формы [13]. В литературе «контр-идентичности» получают названия: «негативные идентичности» (Л. Гудков), «альтернативные» и «антагонистические» идентичности (В. Морозов). Подобные проявления трактуются как «артикуляционные практики, подрывающие стабильность гегемонической артикуляции и могущие привести к распаду государства» [19, с. 134]. Такие «внутренние идентичности, бросающие вызов существующему порядку», могут, как отмечает В. Морозов, «вытесняться за пределы страны» и «становятся частью анархической международной среды, из которой исхо-

дят угрозы внутреннему упорядоченному пространству сообщества» [19, с. 136]. Эмигрировавшие диссиденты обычно составляли важный элемент процесса внешней стигматизации своей бывшей родины.

В формировании негативных контр-идентичностей в СССР и переходе к самостигматизации важную роль сыграла политика «гласности», приведшая к явочному варианту отмены официальных ограничений. Формально начало проведению политики гласности положила 19-я Конференция КПСС в 1988 г. (законодательно цензура была отменена в 1990 г.). СМИ вводили новые форматы с участием аудитории. «Толстые» литературные журналы («Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Юность») начали в ускоренном порядке печатать не публиковавшихся ранее советских писателей, а также диссидентов, литераторов русского зарубежья, включая «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. Демократическая общественность активизировала дискуссии («круглые столы») о «белых пятнах» советской истории. 2 октября 1987 г. начала вещание телепрограмма «Взгляд». Как правомерно отмечал Арчи Браун, уже в начале перестройки раздвинулись пределы возможностей в публичном дискурсе, а к весне 1989 г. официально санкционированная гласность трансформировалась в практически неограниченную свободу слова [5, с. 72]. Демократическая по своей сути реформа стимулировала в массовом сознании, непривыкшем к такому плюрализму, бурный рост негативных контр-идентичностей, что было использовано определёнными силами в КПСС и обществе для стигматизации и разрушения СССР.

О наступлении стадии самостигматизации свидетельствовали, в частности, факты неадекватной реакции руководства КПСС и общественности на статью Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» (газета «Советская Россия» от 13 марта 1988 г.), где выявлялись негативные проявления гласности. Характерно, что такая позиция рядового коммуниста, пусть и поддержанная определёнными партийными кругами и выраженная недостаточно корректно, вызвала резкое осуждение в Политбюро ЦК КПСС. Отвечающему в Политбюро за идеологию А. Н. Яковлеву было поручено написать разгромную статью в «Правде». По сути, был дан старт стигматизации Н. Андреевой и её сторонников. Кроме того, в «журнальной войне» между изданиями либерального и патриотического направлений последние («Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник») были также фактически стигматизированы.

Приобретение контр-идентичностями радикальной политико-психологической направленности по мере их умножения и ужесточения характеризует степень самостигматизации, приближающую наступление состояния массового сознания, близкого к социальному «взрыву». Это сопровождается политическими изменениями: дифференцирующиеся групповые контр-идентичности, становясь негативными, находят объединяющую идейную платформу и начинают противостоять государственной власти и поддерживающей её части общества. Повсюду на местах и в центре возникали неформальные объединения как очаги стигматизации КПСС и совет-

ской истории. В 1988 г. был создан Демократический союз, выступивший за ненасильственное изменение общественно-политического строя СССР. Осенью 1988 г. сформировались националистические объединения «Саюдис», Народный фронт Латвии, Народный фронт Эстонии. Их делегации приезжали в Москву, выступали в МГУ и на других площадках с лекциями и культурными программами, выражали поддержку «перестройке», но взяли курс на антикоммунизм, антисоветизм, хотя по результатам выборов входили в Советы народных депутатов всех уровней, и подготовку к выходу из состава СССР. Л. М. Млечин писал: «Ранней осенью 1988 года я проехал по всей Прибалтике и был потрясен тем, что увидел: Литва, Латвия и Эстония бурлили и требовали независимости, а в Москве этого никто не замечал» [18]. Упор делался на «вскрытие» и драматизацию исторических травм, а также на разные аспекты (языковые, культурные, демографические) противоречий «коренных» жителей и приезжих. Чуть позднее на этот путь стал РУХ на Украине и ряд других движений в союзных и автономных республиках. Пришло состояние самостигматизации, поддерживаемое как стихийными протестами, так и манипулятивными технологиями, активистами, умело использующими особенности социального контроля за девиациями [21, с. 420].

С этой целью активно применяется в том числе негативизирующая политика памяти и историческая политика. Часть элит, особенно в республиках, нуждаясь в поддержке своих позиций, способствовала быстрому конструированию контр-идентичностей, подкрепляемых политизацией псевдоисторических мифов и противопоставляемых общей идентичности многонационального государства. Расширялись практики забвения, деконструкция смыслов исторических образов и понятий, а затем их «пересборка» для стигматизации нежелательного прошлого [15]. Результатом этого стало стирание сути исторических событий. В. Винокуров, анализируя результаты социологических опросов граждан зарубежных стран, отмечает, что большинство из опрошенных главными победителями нацистов считают американцев, а, например, британцы – и вовсе только себя. Ответы по отдельным странам выглядят следующим образом: Великобритания: 50% – британцы, 13% – русские, 9% – американцы; США: 47% – американцы, 12% – русские, 9% – британцы; Франция: 56% – американцы, 15% – русские, 11% – британцы; Германия: 34% – американцы, 22% – русские, 7% – британцы¹.

Самостигматизация и изменение массового сознания

Самостигматизация как политико-психологическое состояние означает, что массовое сознание граждан какого-либо государства деморализуется: снижаются самооценки людей и чувство национального

¹ Винокуров В. Провалы в памяти приводят к войне против памятников. Как бороться с лжецами и осквернителями праха // Независимое военное обозрение [сайт]. 29.09.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-09-29/7_1208_monument.html (дата обращения: 22.09.2022).

достоинства, третируется собственная культура, и особенно патриотизм. Если для индивидуального сознания можно применить термин «когнитивный диссонанс» (стресс, переживаемый в связи с острыми противоречиями убеждений или веры), то в отношении массового сознания больше подходит именно термин «самостигматизация», когда для преодоления обостряющихся противоречий стигма направляется против своего опыта, своей веры или убеждений, против истории и идеологии страны. Граждане некритично подходят к утверждениям о неполноценности своих государственных деятелей, уничижительно оценивают периоды истории, цивилизацию и культуру своих народов в отрыве от общего исторического контекста.

В поздней «перестройке» стигматизация больших отечественных нарративов (истории и идеологии), а также всех несогласных с такой недооценкой и «очернением», парализовала историческую память и загоняла в «интеллектуальную резервацию» альтернативные оценки. А мышление правящих элит впадало в идеализм, романтично-утопичное состояние, оставляя свой народ в заложниках анархизма, нигилизма и экстремизма. Так было в 1917 г. в России накануне и после Февральской революции, когда начались бунты солдат, крестьян, были парализованы транспорт и промышленность, национальные окраины устремились к независимости, и всё это при забвении духовных и материальных достижений 1000-летней российской цивилизации. «...Субъективно – взрывоопасная ситуация: все традиции, сознательные и бессознательные формы легитимности, позволяющие смягчать социальные конфликты, уничтожаются, вся структура общества воспринимается как незаконная...» – так Е. Т. Гайдар характеризовал массовое сознание перед Февральской революцией 1917 г. [6, с. 28].

Нечто подобное в СССР отмечалось к концу «перестройки». Начинались насильственные конфликты как следствие усиления негативных контр-идентичностей, обнажая преддверие духовной и материальной разрухи. Отдельные учёные характеризовали это состояние как «опаснейший тип идеологического заболевания», «идеологический синдром, поразивший... большую часть общества»: «Такой синдром, возникший в результате осознания своего общества как заведомо третьего-сортного, проигравшего другому, более сильному, осознания, происходящего внезапно и с силой психологического шока». Это было похоже на состояние, имеющее название «колониальный шок», хотя СССР и не был колонией [22, с. 53–54]. Позднее пришла разруха, война на Северном Кавказе и череда террористических актов. К такой крайней степени стигматизации («самостигматизации») и стихийно, и целенаправленно была подведена часть населения, хотя многие этого ещё не осознавали, на огромном пространстве СССР (1989–1991 гг.).

Влияния таких контр-идентичностей, объединённых идейной платформой радикальной оппозиции, вкупе с внешней стигматизацией, оказалось достаточно, чтобы парализовать власть, армию, правоохранителей, мобилизовать на неподчинение властям население в столицах

и крупных городах, включая русских в советских республиках. Как рассказывал в интервью литовский функционер А. Буткявичус, русские помогли сорвать операцию по восстановлению конституционного порядка в Вильнюсе в 1991 г. [26, с. 28–30]. Это – пример самостигматизации русских, которые потом назвали себя «обманутыми», хотя это было похоже на самообман. Г. Сапожникова напишет позднее о событиях в Вильнюсе 13 января 1991 г. так: «Подготовленный разоблачениями в “Огоньке” и обученный каяться, русский человек автоматически начинал чувствовать себя виноватым за любую смерть на планете. Спустя четверть века стало понятно, что к этой мысли его подвели целенаправленно» [26, с. 8]. Заниженная самооценка людей, а тем более значительной части народа бывшей великой державы, являлась серьёзной трагедией. А. С. Панарин отмечал: «Если же речь идёт о низкой самооценке целого народа, чувствующего себя неприкаемым изгоем цивилизации, опасность приобретает глобальный характер» [20, с. 259].

В социально-психологическом и политико-психологическом планах это состояние можно характеризовать как мотивационную катастрофу элит и обывателей, «фетишизацию» достижений других государств и «культивирование комплекса собственной неполноценности» [22, с. 54]. Как рекомендовали некоторые идеологи и политики «перестройки», в частности А. Яковлев, выход для советского, а затем и российского общества – покаяние за своё прошлое [28] («покаяние» – одна из важных характеристик самостигматизации). СССР ознаменовал таким состоянием сознания окончание «холодной войны».

Социально-психологическое состояние «беспамятства» и «смятения духа» подобных обществ превращает их в некий духовный «контейнеровоз» («что погрузят, то и повезём»). Политические организаторы стигматизации, добившись противостояния групповых идентичностей с национально-государственной идентичностью, могут «разбирать» и «пересобирать» состав контр-идентичностей, заполняя такой «контейнеровоз» конгломератом, разрушающим состоятельность государства. Создаётся духовная атмосфера, помогающая извне манипулировать массовым сознанием и режиссировать радикальные социально-политические изменения. «Разборка» и «пересборка» контр-идентичностей, вводящих общество в «сумрачное» состояние массового сознания, заказывается и корректируется по сценарию организаторов стигматизационного «спектакля».

Направления операционализации понятия

Описание такого состояния общества, объяснение механизмов данных процессов, а тем более переход к операционализации понятия «самостигматизация» заслуживают внимания социологов, социальных психологов и политологов. Операционализация в науке необходима для прояснения содержания нечётких понятий. «Стигматизация», а тем более «самостигматизация» относятся к таковым.

Для их операционализации может быть полезным политико-лингвистический инструмент – выделение терминов-маркеров, употребляемых в зарубежном политическом дискурсе и отечественных СМИ, на ток-шоу и митингах. Маркирование стигматизации в период поздней «перестройки» СССР (1989–1991 гг.) выделяет частое употребление определённых терминов. Р. Рейган применял термин «империя зла» (был заимствован из фильма «Звездные войны»), но распространялись термины «ГУЛАГ», «советская оккупация», «договор Молотова–Риббентропа» (термины, наиболее употребляемые в прибалтийских советских республиках и на Западной Украине), «отмена 6-й статьи Конституции СССР», «преступления КПСС» (из выступлений на митингах демократических движений). Показательно, что в заявлениях КПСС вместо понятия «классовые интересы» звучали «общечеловеческие ценности», но редко употреблялся термин «государственные интересы». Все чаще стали публиковаться материалы, стигматизирующие КПСС, советскую власть и отечественную историю. Частота упоминания подобных терминов, вынесение их в дискурс вокруг знаковых международных и отечественных событий в СССР и за рубежом может стать объектом контент-анализа и ивент-анализа.

Для исследования механизма перехода к самостигматизации, на наш взгляд, продуктивен эмпирический метод, который применили А. В. Радюк и К. Г. Девятникова, анализируя стигматизированные пресуппозиции, которые «оказывают наибольшее влияние на аудиторию в медийном дискурсе» в качестве «средства противопоставления категорий “свой” – “чужой”, где “чужие” зачастую описываются при помощи стигм, обращающихся к негативным пресуппозициям в сознании субъекта манипуляции...». Манипулятивный дискурс, выявленный данными авторами в популярных СМИ (The Guardian, The Times, CNBC, BBC, CNN, YouTube, Medium, blogspot.com, reddit.com.), обладает значительным потенциалом, дающим возможность «навязывать ложные представления об объекте, или путём добавления к этому объекту нерелевантных атрибутов, или путём импликации ложной пресуппозиции» [23, с. 46, 49–51].

Для изучения интенсивности стигматизации и перехода её в состояние самостигматизации важно выявить в качестве центрального объекта негативизации патриотические идеи и дискурс отечественного патриотизма. В этом отношении весьма показательна негативизация образа органов госбезопасности, полиции, армии, партий, общественных организаций и сограждан, поддерживающих правительство и существующий конституционный порядок. В отношении общества к патриотизму (на примере СССР, России, стран постсоветского пространства) может быть выявлена разная направленность негативных контр-идентичностей, хотя эти направленности пересекаются. Попытка преимущественно территориального подхода для выделения направленности таких контр-идентичностей недостаточно продуктивна, особенно для государств типа СССР, в силу тесного переплетения и переkreщивания союзного, субрегиональных и этнотерриториальных дискурсов идентичности.

Не отказываясь полностью от территориального подхода, мы разграничили изучение идентификационных процессов на «потoki» по измененным основаниям классификации: 1) по основанию «социальная дифференциация» – усиление негативных контр-идентичностей под лозунгом «несправедливое распределение общественных благ»: не только в территориальном и этнотерриториальном соотношении, но и социально-структурном (профессиональном, социально-демографическом, различия физического и духовного труда); 2) по основанию «восприятие терминальных ценностей» – контр-идентичности, отражающие дифференциацию общественных настроений по восприятию значения общего исторического наследия советского народа – исторических завоеваний, результатов социально-экономического развития и духовной культуры, русского языка.

Всё это сопоставлялось в массовом сознании с ценностями и уровнем жизни населения западных стран. Такие основания классификации также взаимно пересекаются, но их всё же удобнее различать.

1. Негативизация отношения к патриотизму вместе с дискурсом несправедливого распределения общественных благ стала стимулятором негативных контр-идентичностей, интенсивно стигматизирующих общесоюзную (федеральную, «имперскую») социальную политику «центра» и способствовала «разрыву» общенациональной государственной идентичности СССР, олицетворяющей плановую экономику и союзное управление. Каждый регион через своих народных депутатов стал публично и требовательно «тянуть одеяло от Москвы на себя». Союзной идентичности противопоставлялись территориальные (провинциальные, местные, региональные), а также этнонационалистические идентичности «провинций», а также субнациональных субъектов федерации. Обесценивалось значение таких общих благ, как союзная государственная безопасность, общественный порядок, территориальная целостность СССР, союзный бюджет, плановая экономика, советский конституционный порядок, трудовая и финансовая дисциплина.

Рост территориальных контр-идентичностей стимулировал антиведомственные региональные (местнические) настроения, исходящие из тезиса несправедливого распределения благ по территориям. Историк А. В. Шубин, характеризуя «перестройку», отмечал, что «антиведомственный курс» М. С. Горбачёва опирался на «местническую» составляющую (региональные кланы) и «рыночную» составляющую (усиление самостоятельности директорского корпуса), что привело в конечном счёте к «резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно её «второго эшелона»), демонтажу отраслевой системы управления экономикой и росту самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера» [24, с. 5, 26].

2. Уничжительное отношение к советскому патриотизму в связи с негативизацией исторических ценностей и заслуг, как Российской империи (в меньшей степени), так и особенно советского строя, особенно коммунизма и КПСС. Это – важнейший маркер самостигмати-

зации в «перестройке». Оживлялись исторические травмы, усиливаемые экспоненциальным ростом и переплетением этнонациональных и антикоммунистических контр-идентичностей у элит и части населения как в РСФСР, так и в советских республиках. Советский патриотизм причудливым образом отождествлялся в сознании людей со всеми издержками прошлого, ошибками и злоупотреблениями коммунистического (затем и посткоммунистического) режима, с их институтами и символами, политическими лидерами (правителями). Скепсис в отношении советского патриотизма коснулся даже, хотя и в меньшей степени, победы в Великой Отечественной войне и её героев. По данной причине советская (союзная) идентичность отторгалась при усилении негативных контр-идентичностей оппозиционных движений и социальных групп. Это во многом определяло наступление состояния самостигматизации. Такие контр-идентичности активизировались в сепаратистских настроениях в республиках СССР, а отчасти и в некоторых автономиях (1989–1991 гг.).

Советский и российский журналист Г. М. Сапожникова, много лет работавшая в республиках Прибалтики, отмечала негативный вклад в развал общесоюзной идентичности и негативизацию советского патриотизма Б. Н. Ельцина, «который после событий в Вильнюсе в 1991 г. срочно... подписал с элитами прибалтийских республик все договоры, которые “добивали” СССР; главный мотив был фронда с Президентом СССР М. С. Горбачёвым, ранее кровно обидевшим Ельцина». По мнению Г. М. Сапожниковой: «Он это сделал, чтобы продемонстрировать, что он – не Горбачёв. Что он лучше всех этих носителей советского менталитета – работников – заводов союзного подчинения, которые требуют гарантий своих прав и отчего-то не поют с умильными улыбками в общем хоре...» [26, с. 6].

Исследователи, отмечая негативные изменения массового сознания в СССР (России), особое внимание обращали на их последствия: «Горбачёвская революция породила в середине 1980-х годов ожидание социального чуда. <...> Революция 1991 года зашла недопустимо далеко в противопоставлении новых целей тому, что укрепилось в обществе, что его цементирует. Вакханалия раздачи собственности и правового беспредела, презрения ко всему советскому, скидывания с пьедесталов недавних кумиров (война с памятниками) – эти и другие зримые черты постсоветской России вновь затронули хрупкие механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению: на место трудового героизма как особой ценности советского строя поднялись праздность и жажда легких денег, с потрясающим размахом было уничтожено уважение к труду» [7, с. 22].

Ивент-анализ проявления самостигматизации может особенно концентрироваться на ряде таких важных объектов, как центральные события «перестройки» – объявление «гласности» и Съезд народных депутатов СССР, а также республик и других территорий. Усиление и радикализация, выход негативных контр-идентичностей в публичное пространство советского общества начались особенно с начала «глас-

ности» и Съездов народных депутатов. Быстро усиливающийся антисоветский характер контр-идентичностей стал проявляться неравномерно по территориям, в целом можно взять как переломный рубеж 1989 г., когда этот процесс «набрал обороты» во время работы Съездов народных депутатов. Именно с заседаний I Съезда негативные контр-идентичности более явно проявились в чрезвычайно активизировавшихся мероприятиях против КПСС и СССР. Тем более Съезды народных депутатов усугубили трудности союзного государственного управления. В воспоминаниях очевидцев не случайно проявляются алармистские тональности в оценке деятельности I Съезда: «...А был ли смысл собирать это громоздкое властное образование? И не нахожу я ни одной позитивной причины. Ну разве что одну – народ выкричался. И всё. Лично у меня до сих пор ощущение, что я был свидетелем пожара. Огромного, всепожирающего, который при этом завораживает. Прекрасно знаешь, что беда, что горе людское, что гибнет имущество, а всё равно – чувство восторга от пламени. Первый съезд народных депутатов и был началом того катастрофического пожара, который вскоре смёл всё. Осталось лишь пепелище...» [1].

Маркером последствий советской самостигматизации является и отношение к таким объектам, как исторические памятники и предприятия-флагманы советской экономики. Предприятия-флагманы, например Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) – одна из основ экономической независимости СССР, стигматизировался как экологически чрезвычайно опасный фактор в выступлениях организации «Встречное движение» [11, с. 110]. Получалось, что справедливое выделение недостатков драматизировалось и серьёзно затрудняло управление крупными мероприятиями и народным хозяйством в целом. Выпячивались недостатки, забывалось, что ММК обеспечивал работой жителей не только Магнитогорска, но и региона, поддерживал всю инфраструктуру города и района, являлся опорой не только бюджета города, но и горно-металлургической промышленности Урала и всего СССР. Подобная однобокость выступлений представителей экологического движения, несмотря на справедливость ряда требований, свидетельствовала о состоянии самостигматизации общества и разрушении национально-государственной идентичности,

В республиках СССР особенно наглядно происходила метаморфоза местного патриотизма как основного содержания «перестроечных» негативных контр-идентичностей, которые усиливались радикальными идентитарными движениями. Начинались они как движения в поддержку «перестройки», но быстро перешли к нагнетанию республиканского национализма, обострению исторических травм. Из исторической памяти вымарывались значительные пласты истории народов: целью «национал-патриотов» было активизировать общественность, преподнести населению исторические факты и картины настоящего в том свете, который вызывает недовольство титульной нации, интересы которой не учитываются советской властью. Позднее это проявилось в демонтаже памятников сначала Ленину, затем всему, что связано с КПСС и советским периодом, дошло и до героев Великой Отечественной войны и даже

деятели царской России. В случае Украины, стран Балтии такой набор контр-идентичностей с антироссийским (антирусским) контентом становился доминирующим.

В XXI в. разрушительные негативные контр-идентичности, уже с жёстким антироссийским пафосом ярко проявились на Украине (2004 и 2014 гг.), в Молдавии (2009 и 2020 гг.), Белоруссии (2020 г.). И это выдаётся не только в качестве идей каких-то маргинальных националистических движений, но и правящих партий и государства. Радикальные контр-идентичности выражаются, например, под лозунгом «Україна понад усє!», «Бандера – наш герой!».

Даже в Белоруссии, где всегда бережно относились к памяти о Великой Отечественной войне, белорусские «змагары» (радикальное оппозиционное движение) в 2020 г. сформулировали вопрос: «Что делать с Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны в Минске после того, как будет свергнут президент Александр Лукашенко? Они посчитали, что этот музей уже не нужен: «Лучшим вариантом было бы перепрофилировать его “в музей оккупации и террора”... Пусть он показывает не планы грандиозных наступательных операций маршала Жукова и партбилеты политруков, а муки и пытки, которые терпели жители Белоруссии всех национальностей от нацистского, советского и лукашистского режимов» [цит. по: 27, с. 21]. 14 августа 2020 г. был осквернен обелиск «Минск – город-герой»; армия вынуждена была взять под свою охрану мемориал Победы и другие памятники.

Руководство и часть населения данных стран, как это особенно стало очевидно в 2022 г., пришли к состоянию особого варианта самостигматизации, наиболее яростно очерняя своё же прошлое, особенно советский период развития, все заслуги советских воинов в Великой Отечественной войне, достижения социалистического строительства. Разрушаются памятники, вымарываются подлинные исторические заслуги, переписывается своя и общая истории. И хотя такие националистические контр-идентичности находят выход в ненависти к России, они далеко не всегда способствуют консолидации наций, как это задумывали стигматизаторы. На Украине идёт особенный вариант самостигматизации, сопровождающейся глубоким разрывом общей национальной идентичности, чреватой гибелью тысяч людей, возрождением нацизма, а также впадением политического режима в полуколониальную (идейную, финансовую, военную) зависимость от США, НАТО, ЕС и доминированием внешнего управления.

Вместо заключения

Исследования массового сознания общества в период советской «перестройки», помогают ответить на вопрос, что даёт Западу его нынешняя жёсткая стигматизация России.

1. С помощью стигматизации обосновывается консолидированная жёсткая линия США и Великобритании на сдерживание России, включая блокирование взаимодействия по линии Россия – НАТО [8, с. 85–86].

2. Стигматизация помогает США и НАТО уменьшать число союзников России и тех, кто симпатизирует ей. Таковы были цели провокаций с отравлением Скрипалей, фейками о трагедии в Буче и др.

3. Когда трудно конкретизировать цели санкционной политики США для их косвенного оправдания, против России проводились мероприятия, способствующие её стигматизации, повышающие легитимацию санкций и расходы на вооружение, помощь кампаниям, проводимым НКО [32].

4. Стигматизация профессиональных групп, по долгу службы поддерживающих конституционный и общественный порядок (военные и правоохранители), создаёт предпосылки для интервенции «либерального мира» и смены курса страны-мишени.

5. Стигматизация становится средством гибридной войны, для чего, как раскрыл Н. Ренггер, её применяют как одно из нелиберальных средств, оказывающих воздействие, напоминая религиозное влияние [29; 30]. Таким образом стигматизация предстаёт как «война за идентичность», чтобы массовое сознание стигматизируемых стран комплиментарно воспринимало политику США.

6. Порядок, построенный с помощью стигматизации, включая её крайнюю стадию (самостигматизацию), «соединяет несоединимое»: демократию и примирение с нацизмом, преследование граждан по языковым признакам, террористическими актами, как это происходит на Украине [34].

Говоря об эффективности политики стигматизации Запада, отметим, что она оборачивается и обратной своей стороной – протестом ряда стран против навязываемых правил США, т. к. на месте России могут оказаться другие. При всей жёсткости стигматизации России большинство государств мира в той или иной форме воздерживается от присоединения к антироссийским санкциям. Несмотря на стигматизацию и санкции, Россия интегрировала Крым, помогла Беларуси в 2020 г., Казахстану в 2022 г. отстоять целостность государств, начала демилитаризацию и денацификацию Украины, приняла в состав России 4 новых субъекта, население которых на референдуме выразило соответствующее волеизъявление.

Но память о превращениях массового сознания и взглядов элит в «перестройке» СССР даёт Западу надежду на «повторение успеха», что при последовательной стигматизации России ближе к новым выборам Президента России удастся довести массовое сознание россиян до состояния самостигматизации и разрушить политический строй «непокорного государства». В таком сценарии «гибридной войны» стигматизация сочетается с новыми санкциями, возможными неудачами специальной войсковой операции на Украине, для чего Запад постоянно вооружает ВСУ

и посылает наемников. США надеются также на то, что на фоне негативной реакции граждан государств ЕС и англосаксонского мира военные жертвы и экономический спад в России расширят недовольство россиян, особенно членов семей военнослужащих и призывников, помогут активизировать НКО на вовлечение населения, особенно молодёжи, в акции сопротивления властям.

Стигматизация как средство «гибридной войны» против России увеличивает для США шансы на выживание своей экономики, сохранение мировой гегемонии США и доллара как доминирующей резервной валюты.

Ставка России в борьбе против стигматизации – сохранение консолидации общества, сохранение и совершенствование современной экономики и суверенного государства, а также российской цивилизации, формирование справедливого полицентричного миропорядка. Ситуация актуализирует выработку для Российского государства стратегии противостояния стигматизации и соответствующих технологий, нейтрализующих попытки разрушения национально-государственной идентичности.

Библиографический список

1. Андреев Н. Кремлевский митинг // Историк. Журнал об актуальном прошлом. URL: <https://историк.пф/posts/2019/05/24/kremlyovskij-miting.html> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Арсентьева И. И. Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19 // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (2). С. 22–46. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46.
3. Батайкина С. В. Имидж государственной службы как социальный конструкт. Автореферат дис. ... канд. социол. н. Казань, 2009. 18 с.
4. Бовина И. Б., Бовин Б. Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть 1) // Психология и право. 2013. Т. 3. № 3. С. 11–21.
5. Браун А. Горбачёв, Ленин и разрыв с ленинизмом // Полис. Политические исследования. 2007. № 6. С. 71–85. DOI: 10.17976/jpps/2007.06.08.
6. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.
7. Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2013. 718 с.
8. Данилов Д. НАТО: Год «чёрного лебедя» // Год планеты: ежегодник. Экономика, политика, безопасность. Вып. 2017 г. / Под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьёва. М.: Идея-пресс, 2017. С. 76–88.

9. Дубровский В. Ю. Стигматизация и дестигматизация полиции: социологический анализ привлекательности служебной деятельности в цифровом пространстве // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33. № 2. С. 74–82. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-2-74-82.
10. Д’Эстен В. Ж. Французы: размышления о судьбе народа / Пер. с фр. Г. А. Абрамова. М.: Ладомир, 2004. 246 с.
11. Золотухин М. В. История общественного экологического движения на территории Большого Урала (1987–2007 годы). Нижний Тагил, 2008. 170 с.
12. Иванова Н. Л., Петько Б. Б. Самоимидж государственных гражданских служащих: проблемы и факторы формирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 141–166.
13. Капицын В. М. Глобализация и управление идентификациями: пролегомены к стратегии развития России // Ценности и смыслы. 2010. № 5(8). С. 68–83.
14. Капицын В. М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. 2014. № 1. С. 8–32.
15. Капицын В. М. Политизация этнических идентичностей // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Московск. ун-т, 2015. С. 143–165.
16. Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(24). С. 6–14.
17. Мартинович В. А. Стигматизация новых религиозных движений // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 73–81.
18. Млечин Л. М. Горбачёв и Ельцин. Революция, реформы и контрреволюция. URL: <https://history.wikireading.ru/410124> (дата обращения: 8.10.2022).
19. Морозов В. Е. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛО, 2009. 651 с.
20. Панарин А. С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 422 с.
21. Парсонс Т. О социальных системах / Под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академ. проект, 2002. 832 с.
22. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М.: Политиздат, 1990. 93 с.
23. Радюк А. В., Девятникова К. Г. Критический дискурс-анализ стигматизированных пресуппозиций в средствах массовой информации // Training, Language and Culture. 2020. № 4(1). С. 44–54. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-44-54.
24. Распад СССР. Документы / Сост. А. В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.

25. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). В 2-х т. Т. I. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.; Т. II. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.
26. Сапожникова Г. М. Кто кого предал. Как убивали Советский Союз и что стало с теми, кто пытался его спасти. М.: Комсомольская правда, 2016. 352 с.
27. Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709.
28. Яковлев А. Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина: в 2-х книгах. М.: Вагриус, 2001. Кн. 1. 624 с.; Кн. 2. 480 с.
29. Chandler D. Bosnia: Faking Democracy After Dayton. L.: Pluto Press, 2000. 254 p.
30. Chandler D. Empire in Denial. The Politics of State-building. L.: Pluto Press, 2006. 221 p.
31. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. 168 p.
32. Jenthleson B. Sanctions: What Everyone Needs to Know // Carnegie Endowment. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hSxPFCK-GqFw> (дата обращения: 16.09.2022).
33. Lemert E. M. Human deviance, social problems and social control. Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1967. 277 p.
34. Mac Ginty R. International Peace-building and Local Resistance: Hybrid Forms of Peace. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2011. 240 p.

Получено редакцией: 10.10.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Капицын Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии, МГУ имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Отдела политической науки, ИНИОН РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3

EDN: PQWMDB

Stigmatisation as a Threat to National Identity (Lessons for the Present from the Past)

Vladimir M. Kapitsyn

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

INION RAS, Moscow, Russia

E-mail: kapizin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9693-6844

For citation: Kapitsyn V. M. Stigmatisation as a threat to national identity (lessons for the present from the past). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3; EDN: PQWMDB

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research (EISI) within the scientific project No. 122101100029-3 “State policy for the formation of national identity and patriotism in the context of the transformation of the modern world order: a comparative analysis”.

Abstract. The author explores the discourses of stigmatisation using the experience of the Soviet “perestroika”, Soviet, Russian and foreign materials, documents of the CPSU, Soviet bodies, public organisations and movements, eyewitness memoirs, media testimonies, personal memories. The content and mechanisms of stigmatisation as a process and means of struggle against the USSR and Russia are revealed, external and internal components of the stigmatisation process are highlighted. The state of mass consciousness in society and the views of elites, that are opposed to the national identity of the people and the state, are considered being a result of stigmatisation. The novelty of the study lies in the consideration of the mechanism of stigmatisation, that includes the formation of negative counter-identities and the state of mass consciousness, called “self-stigmatisation”. Counter-identities can accompany the social differentiation of society, the formation of various social (professional, ethnic, territorial) differences. But in the process of stigmatisation of state power, they acquire a negative character and can turn into a destructive force directed against national-state identity. Such strength, as documents and other evidence show, is achieved at the “extreme” stage of stigmatisation, when there is a “resonance” of its external and internal components, and the mass consciousness of society, the views of the elites go into a state of “self-stigmatisation”. As a result, the discourse of rejection of society’s values, its historical narrative (the achievements of the people, heroes of war and labour), the achievements of the present prevails, and historical traumas, insults, abuses, and mistakes of state power come to the forefront of mass consciousness. This is how the historical experience of society generations is depreciated. For millions of people, the meaning of the concepts of “service”, “heroism”, “oath”, “duty”, “citizenship” is lost, and at the same time the national-state identity is damaged. The conglomerate of negative counter-identities, united by a temporary ideological platform justifying the victory of the discourse of “new” values, takes priority. The article considers approaches to the socio-political and political-psychological study of the “extreme” stage of stigmatisation: linguistic terms-markers of “self-stigmatisation”, belittling the role of patriotism, orientation of stigma to certain spiritual and material objects (monuments of history and culture, domestic flagship enterprises, memory about the heroic deeds, labour achievements). The state of “self-stigmatisation” provides “breaks” in the national-state identity and can predetermine the victory of forces that are turning the political course into a “new” direction, that to some extent satisfies the “stigmatisers”. In conclusion, the tasks of stigmatisation as a means of “hybrid war” on the modern “round” of confrontation between Russia and NATO are considered.

Keywords: national-state identity, stigmatisation, self-stigmatisation, negative counter-identities, marker terms, objects of stigmatisation, patriotism, “hybrid war”

References

1. Andreev N. Kremlevskij miting [Kremlin rally]. *Istoriik. Zhurnal ob aktual'nom proshlom*. Accessed 11.09.2022. URL: <https://istorik.rf/posts/2019/05/24/kremlyovskij-miting.html> (in Russ.).
2. Arsentyeva I. I. Political Discourse on China’s Stigmatization in the Context of COVID-19 Pandemic. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2021: 14(2): 22–46 (in Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46.
3. Batajkina S. V. Imidzh gosudarstvennoj sluzhby kak social'nyj konstrukt [Public service image as a social construct]. Avtoreferat dis. ... kand. sociol. n. Kazan, 2009: 18 (in Russ.).
4. Bovina I. B., Bovin B. G. Stigmatizacija: social'no-psihologicheskie aspekty [Stigmatization: socio-psychological aspects] (Part 1). *Psihologija i pravo*, 2013: 3: 3: 11–21 (in Russ.).
5. Brown A. Gorbachev, Lenin and the break with Leninism. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2007: 6: 71–85 (in Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2007.06.08.
6. Gajdar E. T. Gosudarstvo i jevoljucija [State and evolution]. Moscow, Evrazija, 1995: 206 (In Russ.).
7. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika: rossijskaja i mirovaja praktika realizacii v obshhestve innovacionnogo potenciala novyh pokolenij [State youth policy: Russian and world practice of implementing the innovative potential of new generations in society]. Ed. by Val. A. Lukov. Moscow, Mosk. gumanit. un-t, 2013: 718 (in Russ.).
8. Danilov D. NATO: God «chernogo lebedja» [NATO: The Year of the “Black Swan”]. God planety: ezhegodnik: jekonomika, politika, bezopasnost', 2017 g. [Year of the Planet: Yearbook. Economics, politics, security. Issue 2017]. Ed. by V. G. Baranovskij, Je. G. Solov'jov. Moscow, Ideja-press, 2017: 76–88 (in Russ.).

9. Dubrovsky Vladislav Yu. Stigmatization and destigmatization of the police: a sociological analysis of the profession appeal. *Trud i social'nye otnoshenija*, 2022: 33: 2: 74–82 (in Russ.). DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-2-74-82.
10. D'Jesten V. Zh. Francuzy: razmyshlenija o sud'be naroda [The French: reflections on the fate of the people]. Transl. from Fr. by G. A. Abramova. Moscow, Ladimir, 2004: 246 (in Russ.).
11. Zolotuhin M. V. Istorija obshhestvennogo jekologicheskogo dvizhenija na territorii Bol'shogo Urala (1987–2007 gody) [The history of the social ecological movement in the territory of the Greater Urals]. Nizhnij Tagil, 2008: 170 (in Russ.).
12. Ivanova N. L., Petko B. B. Selfimage of public civil servants: the features and factors. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, 2020: 4: 141–166 (in Russ.).
13. Kapitsyn V. M. Globalization and government of identifications: prolegomena to strategy of development of Russia. *Cennosti i smysly*, 2010: 5(8): 68–83 (in Russ.).
14. Kapicyн V. M. Identichnosti: sushhnost', sostav, dinamika (diskurs i opyt vizualizacii) [Identities: essence, composition, dynamics (discourse and visualization experience)]. *PolitBook*, 2014: 1: 8–32 (in Russ.).
15. Kapicyн V. M. Politizacija jetnicheskikh identichnostej [Politization of ethnic identities]. «Gibridnye vojny» v haotizirujushhemsja mire XXI veka. Ed. by P. A. Cygankov. Moscow, Moskovsk. un-t, 2015: 143–165 (in Russ.).
16. Komlev Ju. Ju. Teorija stigmatizacii: genezis, objasnitel'nyj potencial, znachenie [The theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, meaning]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016: 2(24): 6–14 (in Russ.).
17. Martinovich Vladimir A. Stigmatization of new religious movements. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologija*, 2017: 1: 73–81 (in Russ.).
18. Mlechin L. M. Gorbachev i El'cin. Revoljucija, reformy i kontrrevoljucija [Gorbachev and Yeltsin. Revolution, reforms and counter-revolution]. Accessed 8.10.2022. URL: <https://history.wikireading.ru/410124> (in Russ.).
19. Morozov V. E. Rossiya i drugie: identichnost' i granicy politicheskogo soobshhestva [Russia and others: Identity and boundaries of the political community]. Moscow, NLO, 2009: 651 (in Russ.).
20. Panarin A. S. Filosofija politiki [Philosophy of politics]. Moscow, Novaja shkola, 1996: 422 (in Russ.).
21. Parsons T. O social'nyh sistemah [About social systems]. Moscow, Akadem. proekt, 2002: 832 (in Russ.).
22. Postperestrojka: konceptual'naja model' razvitija nashego obshhestva, politicheskikh partij i obshhestvennyh organizacij [Post-Perestroika: a conceptual model of the development of our society, political parties and public organizations]. Moscow, Politizdat, 1990: 93 (in Russ.).
23. Radjuk A. V., Devjatnikova K. G. Kriticheskij diskurs-analiz stigmatizirovannyh presuppozicij v sredstvah massovoj informacii [Critical discourse-analysis of stigmatized presuppositions in the mass media]. *Training, Language and Culture*, 2020: 4(1): 44–54 (in Russ.). DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-44-54.
24. Raspad SSSR. Dokumenty [The collapse of the USSR. Documents]. Sost. A. V. Shubin. Moscow, IVI RAN, 2006: 286 (in Russ.).
25. Raspad SSSR: dokumenty i fakty (1986–1992 gg.) [The collapse of the USSR: documents and facts (1986–1992)]. In 2 vol. Vol. I. Moscow, Volters Kluver, 2009: 1120; Vol. II. Moscow, Kuchkovo pole, 2016: 824 (in Russ.).
26. Sapozhnikova G. M. Kto kogo predal. Kak ubivali Sovetskij Sojuz i chto stalo s temi, kto pytalsja ego spasti [Who betrayed whom. How the Soviet Union was killed and what happened to those who tried to save it]. Moscow, Komsomol'skaja pravda, 2016: 352 (in Russ.).
27. Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 2: 19–35 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709.
28. Jakovlev A. N. Omut pamjati. Ot Stolypina do Putina [A pool of memory. From Stolypin to Putin]. In 2 book. Moscow, Vagrius, 2001. Book 1: 624; Book 2: 480 (in Russ.).
29. Chandler D. Bosnia: Faking Democracy After Dayton. London, Pluto Press, 2000: 254.
30. Chandler D. Empire in Denial. The Politics of State-building. London, Pluto Press, 2006: 221.

31. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York, Prentice-Hall, 1963: 168.
32. Jenthleson B. *Sanctions: What Everyone Needs to Know*. *Carnegie Endowment*. Accessed 16.0.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hSxPFCKGqFw>
33. Lemert E. M. *Human deviance, social problems and social control*. Englewood Cliffs, New York, Prentice-Hall, 1967: 277.
34. Mac Ginty R. *International Peace-building and Local Resistance: Hybrid Forms of Peace*. New York, Palgrave MacMillan, 2011: 240.

The article was submitted on: October 10, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;
Senior Researcher of the Department of Political Science, INION RAS